

Взойдя на императорский трон, Екатерина II решила окончательно вытравить патриархальность из русского семейного уклада. Подобно Петру I, который распорядился приучать дворянских недорослей с младых ногтей к наукам и государевой службе, императрица замыслила реформировать образование и воспитание девиц. Но если Петр поощрял науки с целью практического приложения к потребностям державы, то Екатерина смотрела на них «в смысле развития человеческой личности». Своим приближенным она настойчиво внушала: «Корень всему злу и добру – воспитание».

Прабабки наши любовь зубрили наизусть

When she took the imperial throne, Catherine II decided to do away with the patriarchal way of life in the Russian Family once and for all. Like Peter the Great, who gave orders that the sons of the nobility should from an early age be taught the sciences and service of the state, the Empress resolved to reform the education and upbringing of their sisters. While Peter, however, encouraged learning with an eye to its practical application to the needs of the Empire, Catherine regarded it from the standpoint of “development of the human personality”. She drummed into those around her that “The root of all evil and good is upbringing.”

Our Great-Grandmothers Learnt Love
by Rote

Екатерина ЮХНЕВА /
by Yekaterina YUKHNEVA

Андрей Болконский и Наташа Ростова на балу. Иллюстрация А. Николаева к роману Льва Толстого «Война и мир».

Andrei Bolkonsky and Natasha Rostova at the ball. An illustration by A. Nikolayev for Leo Tolstoy's novel War and Peace.

Вдохновленная идеями европейского Просвещения, Екатерина II занялась созданием, как она выражалась, «новой породы людей, новых отцов и матерей», коих должны «производить училища под руководством опытных воспитателей при полном разобщении учащихся от семьи». И уже через два года после ее воцарения в 1764 году в столице учредили первое российское женское учебное заведение – Смольный институт благородных девиц, где юные дворянки обучались с 6 до 18 лет. Затем и в губернских городах появились подобные училища уже с отделениями для девочек дворянского и недворянского происхождения. Свидания с семьей строго регламентировались, дабы оградить воспитанниц от «дурного влияния» родителей, а тем паче – посторонних людей. Их учили домашним рукоделиям, рачительному ведению хозяйства и общеобразовательным предметам, включая математику, физику и химию. Большое внимание уделялось иностранным языкам и, конечно, музыке, пению и танцам. Важной составляющей воспитания девиц было обучение манерам поведения в обществе, в том числе и с кавалерами. Надо сказать, что благодаря нововведениям Екатерины в верхних слоях общества России сложилась и стройная система воспитания того, что можно определить термином «любовное поведение».

Inspired by the ideas of the European Enlightenment, Catherine embarked upon the creation of, as she herself put it, “a new breed of people, new fathers and mothers”, who were to be produced by “colleges headed by experienced educators with the pupils being completely separated from their families”. As early as two years after her arrival on the throne, in 1764, the first Russian educational establishment for females was founded in the capital – the Smolny Institute for the Daughters of the Nobility, where young girls between the ages of 6 and 18 from patrician families were educated. Later similar schools appeared in the provincial centres of the Empire, but these already had sections for girls of both noble and common birth. The girls meetings with their families were strictly controlled so as to protect the pupils from the “bad influence” of their parents, or still worse of outsiders. They were taught various kinds of domestic handiwork, thrifty household management and subjects of general education, including mathematics, physics and chemistry. Much attention was devoted to foreign languages and, naturally, to music, singing and dancing. An important component of the education of the young

Раскрашенные офорты Рафаэля Жакмена из издания «Иконография костюма с IV по XIX век». Париж, 1872 год.

Tinted etchings by Raphael Jacquemin from L'Iconographie générale et méthodique du costume du IV au XIX siècle, Paris, 1872.

ЖГУЧИЕ ЧТЕНИЯ ЮНЫХ ДЕВ

В любой науке практике всегда предшествует теория. Первый этап постижения науки любовной предполагал знакомство с миром чувств и переживаний литературных героев. В конце XVIII века в России стали появляться дамские библиотеки. Сначала их основу составляли назидательные романы, как переводные, так и отечественные. Однако прямолинейные нравоучения быстро наскучили россиянкам, и в моду вошли сентиментальные романы, в которых уже довольно смело трактовались вопросы любовной этики. Современного читателя удивило бы полное отсутствие действия. Собственно сюжетом являлась жизнь чувствующей души. Описание малейших оттенков душевного состояния занимало десятки страниц. Чувствительные юные девы читали их запоем. Старик Фамусов в грибоедовском «Горе от ума» изумляется увлечению дочери Софьи: «Ей сна нет от французских книг, а мне от русских больно спится».

На следующем этапе познания науки любви постигалось искусство письменного изложения своих настоящих или воображаемых чувств по литературным образцам. Многие литературоведы отмечали, что любовные письма и Татьяны, и Онегина распадаются на цитаты. Это было обычно для писем начала XIX века.

100

ladies was teaching them how to behave in society, including how to deal with suitors. It must be said that Catherine's innovations led to the formation in the upper echelons of Russian society of a well-honed system for instilling what might be termed "amorous conduct".

SPICY READING FOR YOUNG LADIES

In any field of learning theory always comes before practice. The suggested first stage in learning the art of love was acquaintance with feelings and emotions as experienced by the personages of literature. In the later eighteenth century ladies' libraries began to appear in Russia. At first they consisted mainly of edifying novels both in translation and by Russian authors. But such overt moralizing rapidly bored Russian females and sentimental novels became the vogue, works in which the etiquette of courtship was treated in quite a bold manner. Today's readers would be struck by the complete absence of action in them; the plot was the inner life of the vulnerable soul. Descriptions of the subtlest shades of some emotional state ran on for dozens of pages. Sensitive young ladies simply lapped them up.

The following stage in mastering the art was

В «Пиковой даме» первое письмо Германна Лизе было «нежно, почтительно и слово в слово взято из немецкого романа». Тогдашнее увлечение литературными штампами язвительно подмечено французской писательницей маркизой де Севинье в переписке с одним из друзей: «Письмо ваше должно открыть мне вашу душу, а не вашу библиотеку».

Литература отражала то, что было в жизни. Сам Александр Пушкин, который штурмовал свою последнюю (перед Натальей Гончаровой) любовь по всем правилам светского донжуана, в 1830 году пишет польской красавице графине Каролине Собаньской страстное, но переполненное подражаниями послание. Он называет ее именем героини романа Бенджамена Константа «Адольф»: «Дорогая Эллеонора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть».

В девичьих дневниках, обязательных у каждой дворянки, при описании своих вполне реальных переживаний барышни облекали их в заимствованные литературные формы. Завершался курс любовной науки разучиванием романсов, в которых кратко описывалась богатая палитра

to develop the ability to present one's own feelings, real or imagined, in writing in the manner of the literary prototypes. The age's obsession with verbal clichés was caustically noted by the French writer Marie, Marquise de Sévigné, in correspondence with one of her friends: "Your letter should reveal to me your soul, and not your library."

In the maidenly diaries that all noble females kept as a matter of course, descriptions of their entirely genuine feelings are clothed in borrowed literary forms. The course in the art of love ended with the learning of musical romances, which in the brief form of a song described a rich gamut of emotional states. The constant repetition of verbal formulas aloud prepared the girls for the dialogue of courtship.

THE MISERY OF "PHILOSOPHERS IN BONNETS"

Men in the early nineteenth century were scared by excessively talented women. In order for men to like them, females had to keep their creative activities within the fine limit that separates the interesting dilettante from the dreary professional. Some Russian women, however, having sensed for the first time their

Превосходный литературный стиль и богатство тем отличают эпистолярное наследие Мари де Рабуэтен-Шанталь, маркизы де Севинье. В ее письмах есть и трогательная любовь к дочери, и документальные очерки, и путевые заметки, и светские сплетни, и литературная критика, и философские размышления, и веселые истории... Портрет работы Клода Лефевра. 1660-е годы.

A superb literary style and richness are the hallmarks of the epistolary legacy of Marie de Rabutin-Chantal, marquise de Sévigné. Her letters contain a touching love for her daughter, documentary essays, travel notes, society gossip, literary criticism, philosophical reflections and light-hearted stories. This portrait of her was made by Claude Lefebvre in the 1660s.

Издатель и просветитель Николай Новиков задумал целью создать для россиянок полезное, нравоучительное, дидактическое чтение. В 1785–1789 годах он издавал журнал «Детское чтение для сердца и разума», который читали дети и женщины-матери. Гравюра резцом по стали.

The publisher and enlightener Nikolai Novikov set himself the task of creating useful, moralizing, didactic reading matter for Russian women. Between 1785 and 1789 he published the periodical *A Child's Reading for Heart and Mind* that was read by children and their mothers. Burin engraving on steel.

Воспитанницы Смольного института благородных девиц. Урок танцев. Фотография 1914 года. Pupils of the Smolny Institute for the Daughters of the Nobility a century and a half after its opening. A dancing lesson. 1914 photograph.

101

own mental and creative potential, failed to recognize this. As a consequence their affairs of the heart at times ended badly. One example is the incomparable Princess Zinaida Volkonskaya.

She attracted the attention of Emperor Alexander I, not only with her beauty and manners, but also with her wealth of talents: an amazing singing voice, a gift for literary writing, an interest in politics and philosophy. All this was so unusual that Alexander began to pay her special, elegantly courteous signs of attention. Her divine mezzo-soprano sounded forth from the stage at the Congress of Vienna and listened to by two emperors, four kings and their numerous suites, to general admiration. During a journey around Italy Volkonskaya sent her travel notes back to Russia where they were published in the periodicals *Moskovsky Vestnik* and *Galateya*.

In the 1820s Alexander I, who took a keen interest in Russian history, commissioned some historical paintings from the Academy of Arts. In the hope of impressing her idol, the Princess lived the life of a hermit for two years, burying herself in the St Petersburg archives. As a result she published the book *Slavonic Pic-*

Николай Карамзин в своих повестях касался «возмутительных» сюжетов, таких как любовь крестьянки («Бедная Лиза», 1792), любовь брата к сестре («Остров Борнгольм», 1794, или баллада «Раиса», 1791). In his short stories Nikolai Karamzin touched on "outrageous" subjects, such as the love of a peasant girl (*Poor Liza*, 1792) or love between a brother and sister (*The Island of Bornholm*, 1794, or the ballad *Raisa*, 1791).

На этом портрете как нельзя лучше передана доверительная эмоциональная связь со своими детьми женщин, воспитанных по-новому. Екатерина Муравьева, жена писателя и куратора Московского университета и мать двух будущих декабристов – Никиты и Александра, изображена с сыном Никитой. Неизвестный художник с оригинала Жана Лорана Монье. 1800 год.

This portrait conveys better than anything the trusting emotional ties that women educated in the new fashion had with their children. Yekaterina Muravyeva, the wife of a writer and curator of Moscow University, became the mother of two future Decembrists — Nikita and Alexander. She is shown here with her son Nikita in an unknown artist's copy of the original by Jean Laurent Mosnier. 1800.

«Если бы захотеть изваять Мадонну, то надо было бы ей придать черты Карамзиной в молодости», – писал Филипп Вигель, известный мемуарист. Хозяйка знаменитого петербургского салона, где собирались все лучшие литераторы, Екатерина Карамзина – жена известного писателя и историка. Счастье надолго и прочно поселилось в их доме. Наверное, ни у одного писателя не было лучшей жены. В ней Карамзин нашел надежную, умную, прекрасно образованную помощницу и идеальную мать для своих детей. Портрет конца 1830-х годов.

"If one wanted to sculpt the Madonna, one would have to give her the features of Mme. Karamzina in her youth," the well known memoirist Filipp Vigel wrote. The hostess of a celebrated St Petersburg salon where all the best literati gathered, Yekaterina Karamzina, was the wife of the famous writer and historian. Happiness took long and firm root in their home. No author probably had a better wife. In her Karamzin found a reliable, intelligent, superbly educated assistant and an ideal mother for his children. The portrait is from the late 1830s.

душевных состояний. Многократно повторяемые вслух клише готовили девушку к любовному общению.

Беда «философов в чепце»

Мужчин в начале XIX века пугали чересчур талантливые женщины. Чтобы нравиться мужчинам, нельзя было переходить в творчестве ту тонкую грань, что отделяет любопытного дилетанта от занудного профессионала. Однако некоторые россиянки, впервые ощутившие свой духовный и творческий потенциал, об этом не догадывались. Поэтому их любовные отношения порой кончались печально. Пример тому — несравненная княгиня Зинаида Волконская.

Она привлекла внимание императора Александра I не только красотой и манерами, но и множеством талантов: удивительным голосом, литературным даром, интересом к политике и философии. Все это было так необыкновенно, что Александр стал оказывать ей особые, изысканно-рыцарские знаки внимания. Ее божественный голос прозвучал со сцены на Венском конгрессе в присутствии двух императоров, четырех королей и их многочисленной свиты, вызвав всеобщее восхищение. А спустя несколько лет княгиня сама написала либретто и музыку оперы «Жанна д'Арк» и сама исполнила главную роль.

«У окна в лунную ночь». 1822 год. Федор Толстой изобразил идеал эпохи — романтическую девушку, печальную, бледную, мечтательную. Бледность свидетельствовала о глубине сердечных чувств.

By the Window on a Moonlit Night. 1822. Fiodor Tolstoy depicted the ideal of the age — a romantic young lady, sad, pale and thoughtful. The paleness is testimony to the depths of her heart's feelings.

Многих красавиц начала XIX века воспевали поэты. Княгиня Зинаида Волконская тоже была музой многих великих художников и поэтов, сама являлась удивительно талантливой поэтессой, писательницей, певицей, композитором. Художник К.-А. Агрикола. 1828 год.

Many beauties of the early nineteenth century were extolled by poets. Princess Zinaida Volkonskaya was also the muse of many great artists and poets and was herself an amazingly gifted poet, writer, singer and composer. Artist: C. A. Agricola. 1828

Литературные опыты княгини Зинаиды Волконской высоко ценила очень популярная в то время французская писательница Анна-Луиза де Сталь. Гравюра Эдварда Скрайвена с картины Франсуа Жерара.

Princess Zinaida Volkonskaya's literary efforts were rated highly by Madame de Staël, a popular French female writer of the time. Steel engraving by Edward Scriven from a painting by François Gerard.

Джоаккино Россини после постановки его оперы «Итальянка в Алжире», в которой княгиня Волконская исполнила главную партию, был настолько покорен ее талантом, что советовался с ней при написании своей следующей оперы — «Севильский цирюльник», где звучит русская тема, напетая ею княгиней. Литография Анри Греведона. 1828 год.

After a production of his opera *L'italiana in Algeri*, in which Princess Volkonskaya took the lead role, Rossini was so impressed with her talent that he consulted her when writing his next opera — *The Barber of Seville*, which features a Russian theme that the Princess sang to him. Lithograph by Henri Grevedon. 1828.

Евдокия Ростопчина. Брак с графом Андреем Ростопчиным, необузданным и беспутным, не принес ей ничего, кроме разочарований, но ее стихи пленяют до сих пор... Гравюра резцом по стали. 1820-е годы.

Yevdokiya Rostopchina. Her marriage to Count Andrei Rostopchin, a dissolute rake, brought her nothing but disappointment, yet her poetry is still captivating today. Burin engraving on steel. 1820s.

Ее автобиографическая новелла «Лаура» шокировала великосветское общество. Во время путешествия по Италии Волконская отправляла в Россию свои путевые заметки, которые публиковались в журналах «Московский вестник» и «Галатей».

В 1820-е годы Александр I, увлеченный русской историей, заказал Академии художеств исторические картины. В надежде потрясти своего кумира княгиня Волконская два года вела затворническую жизнь, зарывшись в петербургских архивах. В итоге она опубликовала книгу «Славянская картина V века» и стала первой в России женщиной, избранной действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете.

По-прежнему блистая своими талантами, княгиня вызывала восхищение всех, кроме того, в чьем поклонении она более всего нуждалась. Императора начало раздражать увлечение княгини искусством. Все ее помыслы и чувства должны были принадлежать безраздельно только ему. Даже рождение сына не помогло сохранить их отношения. Император стал тяготиться этой связью...

В XIX веке увлечение женщин творчеством нередко свидетельствовало о неудачах в любви, в семейной жизни. Говаривали: «От разделенной любви рождаются

plicated ones — living tableaux, elaborate charades that later gave way to amateur dramatics.

In many of the games the girl had to choose between two gentlemen, or guess which was which. A couple of beaux would be brought up to the seated miss and each would introduce himself as the most important trait in his character — “boldness”, for example, or “charity”. Allegorical imagery was also used: a proud and decisive gallant might style himself “a dahlia”, a more modest individual “a lily of the valley”. They made their “pitches” to the master of ceremonies, who then presented them to the young lady. The chosen gentleman would become the lady’s partner for the next dance, while the remaining male would be presented with a choice of two females who also concealed their identity behind aliases. The gallant made his selection, the remaining girl was presented with two men, and so it went on. In this fashion the young people learnt to choose a partner (only for dancing as yet) not by appearance but by inner qualities.

THE COLOURS OF LOVE

The pinnacle of playful interaction was the flirt — playing at love. While flirting young peo-

ple mastered various forms of courtship behaviour. For example, when getting ready for a ball, they would invent and “try on” not only their ball gown, but also the role for that particular evening. There was a fairly wide choice: from young ingénue to society lioness. In the nineteenth century this chosen role would be indicated by the colours of a lady’s outfit, and also the flowers decorating her hair or corsage. If red and violet predominated in her attire, the lady was offering companionable relations; pink and brown meant tender love; pink and black passion to the point of folly; pink with pale yellow brief favours. A combination of pink and pale blue requested conversations about the fine arts; lilac and pale blue scholarly discussions, while crimson with grey indicated an interest in religion and theology. By attentively studying the ladies’ appearance, a gentleman could understand with whom he could form a relationship of what type at that ball. The woman would then choose her preferred partner from those gallants who had taken an interest in her, letting him know with a look or a gesture. The same methods were used to direct a developing relationship. For example, by raising her eyebrows and giving

дети, от неразделенной — стихи». Графиня Евдокия Ростопчина, столько же известная своей красотой, сколько умом и поэтическим талантом, горько сетовала, что жизнь ее «лишена первого счастья — домашней теплоты». Ее стихами восхищался взыскательный ценитель поэзии Павел Вяземский, а Михаил Лермонтов писал ей: «Я верю, под одной звездой мы были с вами рождены!»

Жмурки, фанты и волчки

После окончания института барышни начинали выезжать в свет и впервые пробовали самостоятельно общаться с кавалерами. Сначала — во время салонных игр. Сейчас в такие игры — жмурки, фанты, волчки — играют наши дети. Были и более сложные — живые картины, инсценируемые шарады, которые позже сменились любительскими спектаклями.

Во многих играх девушка из двух кавалеров должна была выбрать или угадать одного. К сидящей барышне подводили двух кавалеров, каждый из которых обозначал себя самым важным в его характере качеством, например «смелость» или «милосердие». Использовались также образы: решительный и гордый кавалер

именовался георгином, а скромный — ландышем. Девизы сообщались распорядителю, и тот представлял их барышне. С выбранным кавалером барышня становилась в пару для танца, а к оставшемуся подводили двух барышень, которые тоже скрывались под девизами. Кавалер выбирал, к оставшейся подводили двух кавалеров — и так далее. Таким образом, молодые люди учились выбирать партнера (пока только для танца) не по внешности, а по внутренним качествам.

ЦВЕТА ЛЮБВИ

Вершиной игровой совместной деятельности являлся флирт — игра в любовь. Флиртуя, молодежь осваивала различные формы любовного поведения. Так, собираясь на бал, придумывали и примеряли не только бальное платье, но и роль на этот конкретный вечер. Выбор был достаточно широк: от наивной барышни до светской львицы. В XIX веке для обозначения выбранной роли служила расцветка бального туалета, а также цветы, украшавшие прическу дамы или корсаж. Если в наряде преобладали красный с фиолетовым цвета, дама предлагала дружеские отношения, розовый

Блестящая светская львица и повелительница моды Александра Воронцова-Дашкова, предмет общего обожания всех петербургских франтов. Неординарная и даже несколько таинственная судьба ее связана с именами великих русских писателей — А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, Н. Некрасова. Литография Анри Греведона по рисунку С.-Ф. Дица. 1840-е годы.

The glamorous socialite and fashion-setter Alexandra Vorontsova-Dashkova, the object of universal adoration by all St Petersburg's dandies. Her exceptional and even somewhat mysterious biography is connected with several great Russian writers — Pushkin, Lermontov, Turgenev and Nekrasov. Lithograph by Henri Grevendon from a drawing by S.F. Dietz. 1840s.

Елизавета Хитрово — дочь Михаила Кутузова, хозяйка модного великосветского салона в Петербурге.

С Александром Пушкиным ее связывали не только дружеские отношения. Это был любовный роман, упорно поддерживаемый восторженной страстью уже немолодой женщины.

Yelizaveta Khitrovo, the daughter of the famous field marshal Mikhail Kutuzov, was the hostess of a fashionable high-society salon in St Petersburg. Her relationship with Alexander Pushkin was more than friendship, it was a romance stubbornly maintained by the enthusiastic passion of a woman who was no longer young.

Слева. Хозяйками великосветских и литературно-музыкальных салонов всегда были женщины. Здесь проявлялись их ум, образованность и умение создавать атмосферу, располагающую к духовному общению. Неизвестный художник. 1830-е годы.

Left. Society and literary-musical salons were always hosted by women. Here they demonstrated their intellect, their education and their ability to create an atmosphere conducive to spiritual communication. Unknown artist. 1830s.

Справа. Долли Фикельмон и Екатерина Тизенгаузен — дочери Е. Хитрово. Долли, так же как и ее мать, была хозяйкой великосветского салона. «Вся животрепещущая жизнь, европейская, русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в двух родственных салонах», — писал князь Павел Вяземский о салонах матери и дочери.

Right. Dolly Ficquelmont and Yekaterina Thiesenhausen, the daughters of Yelizaveta Khitrovo. Dolly, like her mother, was the hostess of a high-society salon. "All life that was of vital importance, European, Russian, political, literary and social found accurate echoes in two related salons," Prince Pavel Viazemsky wrote of the gatherings presided over by mother and daughter.

с коричневым — нежные любовные, розовый с черным — любовь до безумия, розовый с бледно-желтым — кратковременное расположение. При сочетании розового с голубым желательны были беседы об изящных искусствах, при лиловом с голубым — ученые разговоры, а кармин с серым предполагал интерес к религии и богословию. Внимательно посмотрев на дам, кавалер мог понять, с какой дамой и какой тип отношений возможен на этом балу. Причем женщина из заинтересовавшихся ею кавалеров выбирала предпочтительного партнера, давая ему знать об этом взглядом, жестом. Этими же средствами она как бы дирижировала развивающимися отношениями. Например, подняв брови и гневно взглянув или резко сложив веер и проведя им сверху вниз по своей левой руке, дама могла укротить не в меру пылкого кавалера.

Мужчины тоже выбирали себе роли. Сутью наиболее распространенных в первой половине XIX века бальных масок были дендизм и байронизм, что внешне обозначалось прической, типом костюма, манерой поведения. Мужчины, в отличие от женщин, меняли свои роли реже.

ИСПЫТАНИЕ ВАЛЬСОМ

Танцы играли ключевую роль в обычаях всех культур. По ним легко реконструировать модель любовных отноше-

Бал был не только театрализованным представлением, но и самой распространенной формой общения дворянской молодежи. Начался бал строгим ритуалом, но к финалу обстановка становилась более непринужденной. «Бал у княгини М. Барятинской». Акварель Григория Гагарина. 1834 год.

Balls were not only a theatricalized performance, but also the commonest form of contact between the youth of the nobility. The ball began in strict ritual, but by the end the proceedings became more free and easy. *A Ball Given by Princess Marya Bariatinskaya*. Watercolour by Grigory Gagarin. 1834.

Известная своими скандальными связями и безудержным темпераментом смуглокожая красавица Аграфена Закревская — жена А. Закревского, генерал-губернатора Финляндии, затем министра внутренних дел, а впоследствии московского генерал-губернатора. Современники называли ее Клеопатрой, она олицетворяла романтику порока, была «беззаконной кометой», поставившей себя вне условностей общества и морали. Литография Егора Гейтмана с портрета Джорджа Доу.

Known for her scandalous liaisons and impetuous temperament, the dusky beauty Agafena Zakrevskaya was the wife of Arseny Zakrevsky, Governor General of Finland, then Minister of Internal Affairs, then Governor General of Moscow. Contemporaries called her "Cleopatra". She embodied the romantic side of vice, was a "lawless comet" who disregarded all the conventions of society and morality. Lithograph by Yegor Geitman from a portrait by George Dawe.

ний эпохи. При Петре I в моде, наряду с чопорными и отстраненными алемандой и паваной, был по-детски резвый игра-танец котильон — это говорит о неустоявшейся модели, с присущими ей крайностями и противоречиями. Распространение в елизаветинские времена манерного, кокетливого менуэта точно отражает любовные идеалы эпохи. Появление вальса, где впервые партнеры ощущают телесный контакт, тоже говорит о многом.

Вальс стал своего рода тестом на сексуальную совместимость партнеров. Многие считали его излишне «вольным». В «Правилах для благородных общественных танцев, изданных учителем танцевания Людовиком Петровским» в 1825 году, автор поучал: «Танец сей, в котором, как известно, поворачиваются и сближаются особы обоего пола, требует надлежащей осторожности. Чтобы танцевали не слишком близко друг к другу, что оскорбляло бы приличие». Еще определеннее писала в 1818 году в Париже строгая мадам Жанлис в «Критическом и систематическом словаре придворного этикета»: «Молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который ее прижимает к своей груди, который ее увлекает с такой стремительностью, что сердце ее невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот

вальс!.. Современная молодежь настолько естественна, что, ставя ни во что утонченность, она с прославляемой простотой и страстностью танцует вальсы». Герой сентиментального романа Гёте «Страдания юного Вертера» считал вальс танцем настолько интимным, что поклялся не позволять своей будущей жене танцевать его ни с кем, кроме себя.

Можно по-хорошему позавидовать нашим предкам с их разнообразием ролей, тонкостью отношений и заботой о сексуальной совместимости. Все это стало основой долговременных любовных связей и прочных браков. Высокие идеалы, эмоциональная культура, прививаемая с юности, умение чувствовать самому, слышать и понимать другого послужили толчком к небывалому расцвету русской литературы и искусства именно в первой половине XIX века. ■

Стефани-Фелисите Жанлис, французская писательница, автор сентиментальных и исторических романов с нравоучительными сентенциями, а также педагогических и детских книг. Ее наследие насчитывает около 90 томов. Гравюра резцом Антуана Жана Батиста Купе с оригинала Девериа. 1850-е годы.

Madame de Genlis (Caroline-Stéphanie-Félicité du Crest de Saint-Aubin, marquise de Sillery, comtesse de Genlis), a French disciple of Rousseau, wrote highly sententious sentimental and historical novels as well as educational and children's books. Her printed works comprise some 90 volumes. Burin engraving by Antoine Jean Baptiste Coupe from an original by Deveria. 1850s.

an irate glance or by abruptly closing her fan and sweeping it down her left arm, a lady could cool the ardour of an over-passionate beau.

Men too chose a role for themselves. The most common characters for masked balls in the first half of the nineteenth century were those of dandy and Byronic hero, indicated by hairstyle, clothing and behaviour. Men would change their roles less frequently than women.

TRIAL BY WALTZ

Dances have played a key role in the customs of all cultures. From them it is easy to reconstruct a model of amorous behaviour in a particular period. In Peter the Great's time, besides the stiff and standoffish allemande and pavane, there was a vogue for the childish high-spirited game of a dance called the cotillion — this is indicative of an unsettled model with inherent extremes and contradictions. The popularity in Empress Elizabeth's time of the mannered, coquettish minuet precisely reflects the amorous ideals of the period. The appearance of the waltz, in which for the first time the dancers experienced close bodily contact, is also highly indicative.

The waltz became a sort of test for the sexu-

al compatibility of the partners. Many considered it excessively "familiar". In the *Rules for noble public dances* published by the dancing instructor Ludovic Petrowsky in 1825 the author preached that "This dance, in which, as the reader knows, persons of both sexes turn and draw together, demands appropriate caution, lest they dance too close to one another and thus offend against decency." The strict Madame de Genlis was even more specific in her *Critical and Systematic Dictionary of Court Etiquette*. "A young lady, lightly dressed, throws herself into the arms of a young man who presses her to his chest, who carries her away with such rapidity that her heart involuntarily begins to pound, while her head is spinning! That is what this waltz is!"

We can envy our ancestors for their variety of roles, the subtlety of relationships and concern for sexual compatibility. All this formed the basis for enduring bonds of love and strong marriages. High ideals, a culture of emotionality instilled from an early age, the ability to feel oneself and to understand another person served as the impetus for the unprecedented flourishing of Russian literature and art in the first half of the nineteenth century. ■

Салон Анны Павловны Шерер. Иллюстрация А. Николаева к роману Льва Толстого «Война и мир».

The Salon of Anna Pavlovna Scherer. An illustration by A. Nikolayev for Leo Tolstoy's novel *War and Peace*.